

К 85-летию Л. М. Леонова

МУДРОСТЬ СЛОВА

КНИГИ Леонида Максимовича Леонова — мудрость века, мудрость на века. Это мнение не отдельных критиков, а оценка из уст народа, голос Отечества, общечеловеческая истина.

Он родился в Москве 31 мая 1899 года, а корни рода — в калужской деревне Полухино; там, в Тарусском уезде, в крестьянской семье родился его отец, известный журналист и поэт-суриковец Максим Леонович Леонов, писавший под псевдонимом Максим Горемыка.

Эпиграфом к жизни и деятельности писателя сами по себе просятся тютчевские многозначные стихи:

Так связан,
соединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой
естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнется
готово
На голос родственный
его.

И он, Леонов, сказал свое заветное слово!

Как-то в Переделкине я восхищался неповторимостью форм выращенных Леонидом Максимовичем кактусов, которые с первого взгляда могли показаться одинаковыми. «Она всем учительница — природа», — улыбнулся писатель. Он больше ничего не сказал, зато эти четыре слова молвил так и с такой улыбкой, будто без назидания и в то же время со внушением посоветовал: и писательское слово не должно казаться повторением, а должно быть всегда открытием. Да, леоновские книги — это воистину открытие.

Побывать с писателем не только час, а хотя бы минут-другую — значит научиться чему-то важному. Такое и вспомнить поучительно. Однажды в вечерний час я был у него дома; во время ужина зазвонел телефонный звонок, Леонид Максимович быстро вышел из-за стола (он, если здоров, всегда сам подходит к телефону) и, выслушав собеседника, сказал: «Прямо сейчас и заходите». Минут через десять — пятнадцать пожаловал средних лет человек, худощавый, стеснительно хлопотливый в движениях, но с уверенным, спокойным взглядом. Это был Александр Леонидович Дунаев, главный режиссер Московского театра драмы на Бронной. Заканчивая работу над спектаклем по пьесе «Аленушка», он просил позволения удалить махонький эпизод, который не получался у артиста, от чего страдало все действие. «Мы с вами не имеем права на это», — возразил Леонид Максимович. «Вы — автор, я — режиссер; наше с вами — чье же еще? — право», — стоял на своем гость. «Нет, нет, мы не имеем права», — спокойно повторил хозяин дома, наливая гостю в стакан крепкого золотистого чая. «Тогда позвольте узнать, у кого же это право, если его нет ни у автора, ни у режиссера, ни у артиста? У кого?» — «У героя пьесы. С ним в первую очередь надо считаться, с персонажем», — улыбнулся Леонид Максимович. Он наклонил на вилку ломтик черного хлеба и несколько секунд

подержал его над включенным сбоку, у стены, каким-то прибором, вроде плитки. Вкусно запахло свежеподжаренным хлебом, что любит хозяин дома.

Придет время, будет более полно, чем ныне, изучено и обнародовано наследие писателя. Оно огромно, это благотворящее наследие! Удивляешься, как он, написавший много томов, находит время, чтобы внимательнейшим образом читать рукописи, книги соотечественников и чужестранцев, отвечать на письма, рецензировать, наставлять молодых — и не только молодых! — на путь истинный. Письма, полученные от него, сколько бы ни перечитывал, заряжают новым вдохновением. Эпистолярное наследие (эта сторона творчества еще ждет своих исследователей), как и книги, тоже кладеза мудрости.

Разве забудется такое: послал я ему настольный сельский календарь, в редколлегии которого состою, а уже через неделю получаю ответ с добрым разбором ежегодника: «...материала для чтения в нем хватит, пожалуй, на всю русскую деревенскую зиму», — писал Леонид Максимович. — Именно таким и должно быть подобное издание, изобилующее самым разнообразным калейдоскопичным, увлекательно-познавательным, так сказать, витаминным материалом. От всей души я желаю ему успеха. Прочел Вашу статью о русских родниках. Она мне тоже понравилась — умно, дельно и поэтично...» И далее простые, большого смысла слова: «Мне даже кажется, что в основе патриотизма лежит именно такая заветная тайна, о которой все благоговейно знают, но из целомудрия не поминают вслух».

Не скрою, до сего времени хожу под впечатлением этих слов. Как много теряет литература из-за недопонимания этого некоторыми авторами!

А вот раздумья, высказанные в другом письме в ответ на мою статью в защиту Волги: «О единстве природы. С годами мне становится яснее, что при решении любых задач, предметом которых является родная природа, ее климат, ее здоровье, необходимо учитывать последствия нашей деятельности в масштабах ее комплексного благополучия. Все известные нам климатические и ландшафтные качества явились следствием бесконечно длительного воздействия образующих стихий. Надо помнить, что односторонним решением какого-то, чисто местного вопроса, хотя бы и в самом положительном смысле, можно нарушить многовековой, пускай не повсеместно, гармоничный природный баланс. Родная природа едина в своем существе, и кое-какие допускаемые нами ошибки могут быть вред ли поправимы даже усилиями застрахших, технически более оснащенных поколений...»

Да, родная природа едина в своем существе, и предостережения о том, что «кое-какие допускаемые нами ошибки могут быть вред ли поправимы даже усилиями застрахших, технически более оснащенных поколений»,

полезно помнить всем-всем независимо от возраста и специальности, от должности и места жительства, ибо это предостережение художника-провидца, прорицателя, мудрое слово которого проверено самой жизнью, стало барометром века.

О воистину великом международном авторитете писателя и всечеловеческом эпохальном значении его книг можно судить по программе Московской научно-творческой конференции, на которой его произведениям было посвящено сто десять докладов. Повторяю, сто десять докладов на одной конференции! Такие события в культурной жизни случайно не бывают.

Помнится, все с нетерпением ждали, что скажет сам писатель. И вот он встал. Спокоен, бодр видом и голосом, будто и не было трехчасового торжественного бледения. Что ни фраза — искренняя мудрость от всей души. Я в таких случаях всегда достаю записную книжку: грешно, считаю, владеть скорописью и не записать дословно то, что считаешь важным не только для себя. Вот она передо мной — записная книжка Дубового зала Центрального дома литераторов, в котором это было. Речь нигде не публиковалась. Ограничусь несколькими леоновскими фразами: «Литература всегда была дальнбойной разведкой... Я являюсь автором профиля такого, для которого все, что было написано, — это только черновики... Для завершения того, что я пишу, мне потребовалось бы двадцать лет... Успел ли я сделать то, что созревало в течение всей жизни... Потому у меня нет сытости от того, что сделал... За минувшие шестьдесят моих писательских лет было много радостей и приключений... Никогда в истории человечества не требовалось писателю с такой зыскаательностью к себе думать, как сегодня... Я не берусь решать за тех, которые придут, когда нас не будет: это по силам самым крупным гениям человечества. Мое ощущение: главная битва сегодня ведется не только в экономике, а за умы и сердца еще не родившихся людей... Писатель лишь тогда настоящий писатель, если он ставит перед собой программу, которая важнее всех программ века... Какой я писатель буду, если не могу предупредить свое Отечество, о чем могу предупредить? Сказал — душу облегчил...»

Осмысливая отношение человечества к Леониду Леонову, лично я пришел к нерушимому выводу: пройдут годы, века пройдут, а ценители литературы будут сверять жизнь планеты по леоновским книгам, в которых необходимый всем пророческий прогноз грядущего. Оценить все леоновское наследие столь же трудно, как обладателям современной техники поднять или хотя бы передвинуть, не разрезая на части, асуанские творения древних египтян.

Мудрое творчество Леонида Леонова хочется сравнить со сказочным древом, столь богатым плодами, сколько ни трясина — на всех хватит во все времена.

П. ДУДОЧКИН.